

друг друга лично и не сносились письменно. Это обвинение обнаружилось злою волю многих людей; им стало стыдно, когда они увидели, что маркграф отлично принят в Женеве и живет здесь уже пять лет, не считая его поездки в Данию.

Против Обинье строили еще немало козней, убеждая жителей, что этот чужеземец советовал синьорам держать народ в черном теле и придумал новые подати. Все эти истории оказались ложными; было признано, что Обинье бежал из Франции оттого, что там его сочли и объявили республиканцем.

Но последнее предприятие еще более распалило его врагов и почти отпугнуло охладевших к нему друзей. В то время как потеря Ла-Рошели, события в Лангедоке¹³⁵ и разорение Германии устрасали наименее стойких людей, Розе, посланный вместе с господином Сарразенном ко французскому двору, умело обработал государственного секретаря Эрбо своими письмами и письмом, которое заставил написать самого представителя; итак, владелец замка провел в своем Крете три месяца не без тревог. Дело в том, что в это время кто-то, как подозревают, герцог д'Эпернон или архиепископ бордоский, или они оба, подкупили около десятка убийц, два года подряд дерзко бесчинствовавших в этих краях и поклявшихся спасением души (на него они не могли и рассчитывать) убить Обинье. Но тот, кого они подстерегали, выходил из дому только в сопровождении своих людей, сам искал этих убийц и написал господину де Кандалю¹³⁶ с просьбой посоветовать своему отцу выбрать наемников получше.

В конце концов Женева высказалась против отъезда Обинье; благороднейшие люди одержали верх, не остыла и горячая любовь к нему простого народа.

Незадолго до этого господин коннетабль¹³⁷, участвуя в геновской войне, послал государственного советника Бюльона к Обинье, хотя при последнем свидании в Сомюре тот крупно с ним повздорил. Теперь дело шло о наступлении на Франшконте, и с этой целью бедному *des-terrado*¹³⁸ предлагали три старых полка и один новый с преданной ему ротою конных латников, но война шла вяло и была, по видимости, уже на исходе.

Вскоре, возвращаясь из Константинополя в Лондон, прибыли в Женеву чрезвычайный посол граф де Карлейль и кавалер Томас Роу; они оказали Обинье почести сверх меры и горячо приглашали его приехать в Англию. Он охотно согласился и заранее получил место на корабле, который граф велел зафрахтовать в Страсбурге для возвращения.

Этой поездке помешала та же причина, которая дважды уже заставила его отказаться от подобного намерения: появились верные признаки предстоящей осады. Между тем в этом году Женева была лишена самых необходимых средств. Упомянув об Англии и о переговорах меж-